

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ЧАСТЬ 3

*Степнов Игорь Михайлович,
Ковальчук Юлия Александровна,
Демочкин Сергей Васильевич,
Орлов Павел Алексеевич,
Рязанский государственный
радиотехнический университет, г. Рязань*

E-mail: fm-science@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты структурно-функционального и компаративного анализа теорий и концепций экономического, промышленного и технологического развития. Проанализированы особенности реализации промышленной политики, институциональных изменений, технологического прорыва, экологизации как инструментов поддержки индустриальной модернизации и как комплекса мер государственного регулирования. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10149), в Институте проблем рынка Российской Академии Наук.

Ключевые слова: экономическое развитие, модернизация, промышленность, новая индустриализация, конкуренция, национальный проектный офис.

Окончание. Часть 1 и 2 опубликованы в предыдущих номерах.

14. Концепция многоуровневой экономики

Концепция многоуровневой экономики разработана отечественными учеными-экономистами [1, 2]. В ее основе рассматривается экономическое развитие как сочетание трех элементов:

- увеличение масштабов производительных сил - количественный аспект;
- изменения в структуре и составе элементов - структурный аспект;
- сдвиги в усредненных и индивидуальных полезностях, потребительских, качественных характеристиках отдельных элементов производительных сил - качественный аспект.

По мнению ученых, количественно экономический рост может измеряться

как совокупность экономических благ, их запас (разведанные природные ресурсы, объем производственных мощностей и т. д.) и как процесс производства и последующий процесс воспроизводства [3].

В теории многоуровневой экономики качественные изменения могут быть связаны с появлением новой продукции с отличным от традиционной продукции набором потребительских свойств и необходимостью переоценки стоимости традиционной продукции, что является проявлением качественного экономического роста. Структурный же аспект проявляется в коммерциализации инноваций, применении передовых технологий в разнообразных секторах экономики. Следовательно, и в том и в другом аспекте именно результаты научно-технического прогресса являются тем фактором, на основе которого происходит распределение общественной стоимости. Структурный и качественный аспекты экономического роста обычно объединяются в научном обороте понятием «качество роста» или «качество темпов экономического роста» [3]. Именно такое взаимосвязанное понимание качества роста позволяет количественно и статистически измерять качественные изменения экономики в целом.

Так, например, может использоваться ранжирование производства по сложности используемой технологии, что позволяет осуществить межстрановое сравнение качественного национального роста и структурных изменений в национальных экономиках. В качестве показателей могут быть использованы следующие: глубина переработки первичных ресурсов, уровень квалификации трудовых ресурсов, степень новизны используемой технологии и т. д.

Данные положения существенны при оценке долгосрочных тенденций, характеризующих экономический рост, – какие именно сектора экономики дают прирост добавленной стоимости и за счет каких технологий (передовых или традиционных) он получен, а также какие сектора экономики становятся генераторами конкурентных преимуществ на глобальных рынках. На основе статистических данных доказано [3], что если краткосрочный прирост выпуска в низкотехнологичных секторах добывающей промышленности происходит за счет производства продукции в высокотехнологичных секторах, то в долгосрочном плане общенациональный сравнительный прирост оказывается значительно меньшим или даже отрицательным. А в высокотехнологичных отраслях экономики краткосрочный прирост выпуска продукции даже при снижении производства в добывающих отраслях приводит к тому, что в долгосрочном плане общенациональный сравнительный прирост оказывается значительно большим.

Таким образом, к падению темпов экономического роста приводит так называемая «технологическая несбалансированность», экономический смысл которой заключается в несоответствии изменений технологической структуры (когда обмен ресурсами между разными отраслями происходит по принципу комплементарности - технологического соответствия качества ресурсов той

технологии, где они используются) изменениям в системе относительных цен (когда резкое увеличение относительных цен на низкокачественные товары либо сырье и энергоресурсы нарушает стоимостную структуру неоднородной товарных групп и общую тенденцию распределения стоимости в пользу высокотехнологичных, «качественных» подгрупп товаров), т.е. несоответствия «технологического равновесия» и «рыночного равновесия».

15. Модель посткризисного роста «new normal» («новой нормальности»)

Понятие «новая нормальность» (считается, что сам термин предложен международной инвестиционной компанией PIMCO [4]) появилось в рамках обсуждения текущего состояния экономики и последствий финансового кризиса 2008 г., прежде всего, развитых стран (США и Великобритании). Оно обозначало снижение темпов мирового экономического роста (ниже, чем в 1990-2000 гг.), повышение безработицы, обострение долговых проблем, высокую волатильность на всех товарных и денежных рынках при снижении эффективности традиционной государственной политики, имевшей место в последние двадцать лет для национальных хозяйств развитых стран (т.е. имеются в виду преимущественно фискальные, монетарные инструменты и стимулы). «Новая нормальность» часто ассоциируется с неустойчивым ростом, актуализирует проблематику кризисных процессов в экономике и вновь приводит к обоснованию неспособности рыночной экономики противодействовать циклическим сбоям и обеспечивать сбалансированный рост без вмешательства государства, что соответствует кейнсианской теории [5].

Существует мнение, что понятие «новой нормальности» применимо лишь к развитым странам, но не странам с развивающейся экономикой, поскольку первые имеют опыт регулирования экономики по бизнес-циклам. По мнению П. Кругмана, «развивающиеся страны сейчас будут играть роль локомотива мировой экономики, но насколько устойчив их рост – большой вопрос» [6].

Чтобы поддержать развитие экономики в условиях «новой нормальности» предлагается:

- развитие и поощрение международной торговли с целью расширения рынков сбыта для американских фирм товаров, при этом сдерживая рост цен на низком уровне для американских потребителей;
- усиление государственного регулирования, учитывая опыт развивающихся экономик, для создания ситуаций определенности в экономике и поддержки реального бизнеса.

Тем не менее, отметим, что все же новая нормальность, внешне претендуя на новизну, не предлагает свежих решений или хотя бы попыток объяснить, что происходит в мировой экономике [6]. Так, Международный валютный фонд выделяет три группы стран с разной скоростью развития: низкой (прежде всего,

ЕС и Япония), средней (например, США, Швеция, Швейцария) и высокой (Китай и страны с быстроразвивающимися рынками), показывая, что скорости изменений также влияют на неустойчивый рост. Поэтому важно, чтобы неустойчивый рост как результат «новой нормальности» не превратился в неизбежный и долгосрочный сценарий [5].

16. «Системная экономика» (Клейнер Г.Б.)

Системная экономика изучает технологию экономических благ, процессов и систем, процесс их создания, функционирования, взаимодействия и трансформации, модели кругооборота экономических благ [7]. Системно-динамическое представление предприятия в рамках этой концепции представляет собой новую концепцию формирования стратегического менеджмента как реакции. Экономические решения должны рассматриваться в их взаимосвязи влияния на другие аспекты: социальные, экологические, внешнеэкономические, технологические и т.п. В отличие ряда предыдущих теорий, данная концепция предлагает более инструментарий, нежели решение, но инструментарий достаточно проработанный и эффективный. Поэтому следует отметить совместимость данной концепции со многими теориями развития.

Следует отметить, что, по мнению Г.Б. Клейнера, перспективной является только системная «неразрушающая» модернизация как эволюционные и согласованные изменения в структуре экономической системы, которые сохраняют ее идентичность и целевое предназначение. Следовательно, системная модернизация страны должна способствовать поддержке и развитию базовых подсистем народного хозяйства, поскольку такие системы образуют один из важнейших видов экономических ресурсов – так называемый системный ресурс. При этом для обеспечения устойчивости экономики необходимо совершенствование законодательной системы процессов создания, функционирования и ликвидации не только предприятий как хозяйствующих субъектов, но и процессных, проектных и средовых экономических систем.

17. Политика структурной модернизации

В. Мау рассматривает реиндустриализацию не просто как возврат традиционных отраслей промышленности из развивающихся стран в развитые [8], в том числе и по причине повышения оплаты труда в ведущих развивающихся странах, а как необходимость создания таких секторов экономики, где «издержки на труд будут незначительными» [9], доступны результаты научно-технического прогресса и региональные рынки основного потребительского спроса.

По его мнению, модель 2000-х годов исчерпала себя: она была направлена на усиленный рост экономики после ее спада в 90х. Экономический рост перестал быть чем-то автоматическим и сейчас перед страной стоит две группы

задач - антикризисная политика и политика структурной модернизации. Таким образом, должна быть сформирована новая макроэкономическая (включая характер денежной политики и потенциал экономического роста) и институциональная модель роста, позволяющая изменить роль отдельных отраслей экономики в условиях современной глобализации и переосмысления роли неравенства в экономическом и социальном развитии ведущих стран. В целом, завершение экономического кризиса придет во все страны, но с разными последствиями, поэтому социально-экономическое положение стран будет «будет зависеть от способности властей и элиты отдельных стран «воспользоваться кризисом», то есть найти институциональные решения, которые помогут адаптироваться к новым реалиям - технологическим, экономическим, социальным и даже идеологическим.

В связи с этим, отмечается, что в посткризисных условиях актуальны вопросы разработки новых моделей экономического роста, причем важно, что это не может быть универсальная модель, применимая для экономик в разной степени развития. Как показывает анализ, развитые и развивающиеся экономики по-разному испытали последствия кризиса и находили свои пути выхода из него, причем восстановление экономики развивающихся стран происходило на фоне углубления кризиса в развитых и наоборот. Китай сохранял высокие макроэкономические показатели вплоть до 2015 г., когда темпы роста ВВП впервые с 1981 г. стали ниже 7%, а США продолжили восстановление за счет снижения безработицы и действенных мер смягчения денежно-кредитной политики ФРС.

Для России данная модель роста включает антикризисную политику (прежде всего, сбалансированность бюджета, формирование эффективных финансовых рынков и гибкого рынка труда, снижение институциональных барьеров для бизнеса, обеспечение высокого качества человеческого капитала за счет систем образования и здравоохранения) и структурную модернизацию (ориентирована на отход от модели рентной экономики и изменении механизма перераспределения доходов, поступление и рост которых не связаны с повышением производительности) [9]. При этом следует отметить, что структурная модернизация направлена на повышение эффективности использования факторов производства (прежде всего, труда и капитала), предполагает развитие отраслей экономики (в том числе и сырьевых), но это развитие должно опираться на передовые технологии и получать стимулы в том числе и за счет реализации политики импортозамещения. С экономической точки зрения суть предлагаемых мер определяется как *«политика стимулирования предложения в противовес политике стимулирования спроса»* [8].

18. Развитие на основе экологической модернизации

В европейской науке активно идет обсуждение влияния экологических проблем на развитие модернистского индустриального общества – соответственно, экологический фактор рассматривается как играющий определяющую роль в общественном развитии. Так, Э.Гидденс [10, 11] отрицает, что современное общество – это постмодернистское или другое «пост», считая современную эпоху радикализированным или универсализированным модерном, за которым может последовать постмодерн, которое будет нечто отличное от того, как его представляли ученые ранее. При этом Э.Гидденс выделяет три основные черты, определяющие характер современного общества от досовременного: 1) во много раз возросшая скорость изменения социальных процессов, особенно – скорость изменения технологии; 2) втягивание социально и информационно различных районов мира во взаимодействие друг с другом, что в конечном счете выразилось в процессе глобализации; 3) изменение внутренней природы современных институтов. Согласно теории экологической модернизации, изменение технологии и техники вызывает уже не только ускорение социальных процессов, но и экологических. Глобализация способствует распространению именно экологической модернизации. Так, природа перестает быть естественной рамкой для социальных систем, т.е. больше не может рассматриваться как «окружающая среда», превращаясь в «сотворенную среду» обитания и жизнедеятельности человека. Современная эпоха приходит к «концу природы» в смысле, что она утрачивает свойство внешности по отношению к человеку и социуму, а все больше превращается в систему, структурированную человеком и подчиненную в своем развитии требованиям социальной организации и социального знания. Таким образом, согласно теории Э.Гидденса и У.Бека, в контексте позднего модерна разделение на естественную и социальную среды теряет смысл. Общество со всеми его системами – экономической, политической, семейной культурной – нельзя воспринимать автономным от среды. Экологические проблемы становятся не проблемами окружающей среды, а в своем генезисе и последствиях – это целиком общественные проблемы.

19. Концепция инклюзивного устойчивого роста

Доказательство наличия существенной связи между темпами роста экономики и решением широкого круга социальных проблем, включая более справедливое распределение созданных в обществе доходов, при особом внимании к беднейшим слоям населения, экологичности развития привела к появлению концепции инклюзивного устойчивого роста (*inclusive sustainable growth* (англ.) – всеобъемлющий устойчивый рост), сначала в академических кругах [12, 13], а затем она была развита под руководством нобелевского лауреата М. Спенса, что в конечном счете привело в 2012 году к исследованию

Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития, где тематика инклюзивного роста рассматривалась как сочетание устойчивого роста и формирование зеленой экономики при опоре на инновации и структурные реформы [14]. В целом, инклюзивный рост основан на трех измерениях устойчивости: экономическая, социальная и экологическая.

Существуют разные позиции относительно понимания сути инклюзивного роста:

- приоритет участия общества в процессах роста: инклюзивный рост на основе обеспечения включения широких слоев населения в процессы распределения его результатов при обязательном формировании условий для активного участия в создании таковых и беднейшего населения, делают тем самым основной акцент на социальную проблематику [12, 13];

- приоритет социальных факторов роста: инклюзивный рост призван обеспечивать улучшенные жизненные условия для всех слоев населения без дискриминации и ослабление неравенства, в том числе по тем аспектам благосостояния, которые не связаны с денежными доходами населения, но имеют принципиальное значение для выравнивания экономических возможностей в области образования, здравоохранения, продовольственного обеспечения и социальной интеграции [15].

Сама концепция инклюзивного роста вполне может быть обоснована для использования в России в части решения именно социальных проблем, поскольку относится к числу стран с одним из самых высоких уровней дифференциации населения по доходам. Отражающий этот уровень децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных слоев населения) составляет 17 раз и имеет тенденцию к росту в условиях кризиса [16]. Для сравнения самая большая дифференциация по доходам в европейских странах в Испании (7,2 раз), Греции, Румынии, Латвии и Болгарии (более 6 раз) [17].

Таким образом, основная позиция, заложенная в концепцию инклюзивного устойчивого роста, заключается в следующем: проблема роста является комплексной, и она должна быть интегрирована в структурные реформы, обеспечивающие диверсификацию экономики и переход ее на зеленые принципы [17]. Поэтому в рамках данной концепции акцентируется внимание на вовлечение в процесс развития разнообразных секторов экономики (а не только высокотехнологичных, постиндустриальных) при одновременном развитии инфраструктуры, а также на установление прямых связей между факторами макро- и микросред в качестве необходимого условия долгосрочной устойчивости и обеспечения экологически ориентированного роста. В связи с этим использование терминологии «всеобъемлющий» рост как раз укладывается и в позиции экономической, социальной и экологической направленности.

Так, на Третьей всемирной конференции ООН по окружающей среде и

развитию в 2012 году были определены структурные приоритеты инвестирования в инклюзивный рост: в 2012-2050 гг. планируется инвестировать около 2% мирового ВВП (или 1,3 млрд долл.) в десять отраслей экономики, что позволит инициировать переход к низкоуглеродной, ресурсоэффективной экономике: сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетика, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов, управление водными ресурсами [17].

На практике, концепция инклюзивного роста трансформировалась в Европейском союзе в концепцию интеллектуального, устойчивого и всеобъемлющего роста (*smart, sustainable and inclusive economy*), реализованную в программном документе – Стратегия Евросоюза 2020, принятой в 2010 г., где в качестве основных задач заявлены достижение высоких уровней занятости, производительности и социального единства. Таким образом, сформированы пять приоритетов в области:

- занятость (достижение уровня занятости в 75% среди населения в возрасте 20-64 год, текущий уровень 68,4%);

- инновации (повышение уровня инвестиций в R&D до 3% от ВВП Евросоюза, текущий уровень 2,06%);

- образование (сокращение отчисления из средних школ до 10%; доведение доли лиц, завершивших трехступенчатое образование в возрастной группе 30-34 года, до 40%);

- изменение климата и энергетики (сокращение выбросов ПГ на 20% (возможно, на 30%) по отношению к уровню 1990 г.);

- борьба с бедностью и социальным отчуждением (сокращение на 20 млн число тех, кто находится на грани бедности и социального отчуждения) [18].

В целом, политика инклюзивного роста как модель современного социально-экономического развития ориентирована на решение задач перехода к зеленой, экологически безопасной и социально ориентированной экономике и вполне соответствует современным стратегиям устойчивого развития, при этом они могут рассматриваться и как источники развития, и как ограничения, препятствующие достижению устойчивости. Так, следует отметить, что рассматриваются возможности формирования так называемой «зеленой» экономики на основе структурной перестройки экономики, повышение ее энергоэффективности и перехода к сбалансированному энергоэффективному росту [19]. Тем не менее, например, в Государственной программе РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» [20], несмотря на утверждение, что главными источниками создания конкурентных преимуществ страны должны рассматриваться научные знания и интеллектуальный капитал, все же источники альтернативной энергетики и экологические вопросы технологического развития не заявлены в приоритетах государственной политики по модернизации традиционных секторов экономики (нефтегазового,

сырьевого, аграрного и транспортного) и обеспечения ее структурной диверсификации.

О применимости различных концепций для российской экономики

В современной экономике кризисные явления вызваны структурными несоответствиями и диспропорциями, осложненными необходимостью обеспечения суверенитета страны во внешней торговле в условиях высоких геополитических рисков, и соответственно принуждением России к локализации производства ряда западных критических технологий и продовольственных товаров внутри страны.

Представленные выше теории, не претендуя на полный охват всех теорий, тем не менее, позволяют охватить весь спектр работ в данной области. Вполне очевидно, что каждая из теорий не охватывает всех особенностей российской экономики и, следовательно, отдельные разработки могут быть применены как для решения отдельных локальных задач, и наоборот, отдельные решения должны стать ю новой стратегии экономического развития.

Так, например, в части импортозамещения, по мнению ряда экономистов [21] одним из обоснованных и адекватных вариантов стратегии выступают:

- реиндустриализация, которая трактуется для развитых стран как возврат промышленного производства, перенесенного за последние три десятилетия в развивающиеся страны [22], в результате чего мировыми регионами-производителями стали Китай, Малазия, Центральная Америка [23];

- новая индустриализация – как воссоздание производства средств производства на инновационной основе шестого технологического уклада посредством нового строительства или радикальной модернизации существующих промышленных предприятий.

Для российской экономики характерны одновременность, параллельность процессов формирования шестого технологического уклада, основанного на нано- и биотехнологиях, проникновения информационно-коммуникационных технологий во все сферы и отрасли не только производства, но и общественной жизни в целом, т.е. создание предшествующего, пятого технологического уклада, а также восстановления, конечно, на новой технологической основе полуразрушенного четвертого технологического уклада (индустриализированной промышленности, сельского хозяйства, др. отраслей).

Так, применение стратегии технологического лидерства не может гарантировать устойчивые темпы экономического роста, поскольку велика вероятность широкого распространения новых технологий. Поэтому существует позиция, что именно стратегия опережающей коммерциализации научных открытий [24], когда страны-преследователи, располагающие достаточной научной базой для доведения результатов до прикладных разработок и технологической и финансовой базой для внедрения этих разработок в

производство, могут получить шанс на лидерство на мировом рынке, более применима в России, учитывая ситуацию технологического импортозамещения и использования механизмов государственной научно-технической политики.

Если обратиться к возможностям повышения национальной конкурентоспособности на основе кластеризации экономики, то, несмотря на то, что фундамент российской экономики образует экономика регионов, но не задействован механизм объединения в кластер именно заинтересованных экономических агентов. В России в начале 2000-х гг. кластеры предпочитали создавать приказами региональных администраций по предложениям Министерства регионального развития, что в корне противоречит стратегии формирования конкурентных кластеров – ведь от того, что остатки региональной промышленности назовут кластером, прироста уровня занятости и восстановления промышленности не произойдет. Следовательно, кластеризация, без привлечения новых промышленных производств в регион (реиндустриализации) практически неэффективна.

Технологические платформы обеспечили внимание к развитию только новых наукоемких секторов экономики, к тому же совокупности с невозможностью обеспечить финансирование из разных источников, а не только из бюджета, технологические платформы как инструмент поддержки инновационного развития эффективны в основном для тех участников и проектов, которые были поддержаны уже в рамках федеральных целевых программ

Следует также отметить, что доказано и теоретически, и подтверждено практически, что механизмы, создаваемые государством, позволяют осуществить прорывы пусть очень важные, но на отдельных участках [25] – это также и подтверждается в отношении технологических платформ в России: когда создан механизм поддержки инновационного развития, если не будет соответствующих действий со стороны предпринимательского сектора, то поставленные цели скорее всего не будут достижимы.

Концепции «зеленой экономики» (в частности, концепция инклюзивного роста) сочетается со стратегией новой индустриализации, так как модернизация экономики в рамках ее реиндустриализации невозможна без влияния на социальные аспекты развития: развитие человеческого капитала, создание новых высокопроизводительных рабочих мест, повышение занятости населения и, соответственно, его доходов, обеспечение доступности благ и товаров по конкурентоспособным ценам. При этом, как и модель новой модернизации, модель инклюзивного роста требует адекватной институциональной среды, т.е. согласования инструментов инновационной, промышленной и экологической политики.

Таким образом, представленный в данной статье структурно-функциональный анализ ставит задачу синтеза новой теории экономического

развития именно для российской действительности, включая не только интеграцию известных решений, анализ производственного и инвестиционного потенциала России, но выработку новых экономических концепций. Опыт развития большинства экономик, добившихся успеха за последние несколько десятилетий показывает, что такая теория может формироваться только одновременно с развитием экономики и поиском практически решений, когда теоретические изыскания проверяются одновременной апробацией на практике. Такой подход может служить существенным дополнением к кредитно-денежной политике и может быть реализован в условиях формирования национального проектного офиса.

Литература:

1. Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. – М., 1986.
2. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Кн. 1. – М.: Наука, 1997.
3. Развитие и рост в концепции многоуровневой экономики. - URL: <http://institutiones.com/general/231-2008-06-17-12-11-18.html>
4. Дынкин А. В поисках новой нормальности. - URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2015/22052015_NEWNORM.pdf
5. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.5: Экономика, 2013, № 4, С. 3-34.
6. Брагина Е. Новая нормальность // Мировое и национальное хозяйство, 2012, №4. - URL: <http://www.mirec.ru/2012-04/novaa-normalnost>
7. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4-28.
8. Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 4-32.
9. Мау В. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 5-33.
10. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
11. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
12. Bourguignon F. The Growth Elasticity of Poverty Reduction. Explaining Heterogeneity across Countries and Time Periods / Eicher T., Tyrnovsky S. (eds.) Inequality and Growth: Theory and Policy Implications. Cambridge. 2003. MA: MI T Press.
13. Ravallion M. Growth, Inequity and Poverty: Looking Beyond Averages. World Development. 2001. 29 (11). P. 1803-1815.

14. Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development. The World Bank. Washington, D.C. 2012. - URL: <https://openknowledge.Worldbank.org/bitstream/handle/10986/6058/9780821395516.pdf?sequence=1>.
15. Ranieri, R., and Ramos, R.A. After All, What is Inclusive Growth? // International Policy Centre for Inclusive Growth (IPCIG) [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.worldwewant2015.org/node/350379>
16. Гурова Т., Обухова Е., Огородников Е. Два решения для экономики // Эксперт, 2014. № 22. С. 17-21.
17. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 15-24.
18. Europe 2020. Europe's growth strategy. Luxemburg. Publications Office of the Europe an Union. 2013. - URL: http://mz.gov.mk/wpcontent/uploads/2013/04/europe_2020_explained_11.pdf.
19. Порфирьев Б.Н. «Зеленая» экономика: общемировые тенденции развития и перспективы // Вестник Российской Академии Наук. 2012. Т. 82. № 4. С. 323-344.
20. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».
21. Белокрылова О.С. Институциональное проектирование стратегии реиндустриализации: перспективы донской экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. Т. 6. № 1. С. 47-54.
22. More Than a Third of Large Manufacturers, 2012. More Than a Third of Large Manufacturers Are Considering Reshoring from China to the U.S. Press Releases April 20, 2012. - URL: <http://www.bcg.com/media/pressreleasedetails.aspx?id=tcm:12-104216>.
23. Manyika J., Sinclair J. and Dobbs R. Manufacturing the future: The nextera of global growth and innovation. November, 2012. - URL: http://www.mckinsey.com/insights/manufacturing/the_future_of_manufacturing.
24. Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 7.
25. Сорокин Д.Е. Преобразование экономической системы России // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С. 46-48.